

ВСЕ «ВИНОВАТЫ».

МИР НОВОГО спектакля Театра имени М. Н. Ермоловой «Суббота, воскресенье, понедельник» сужен в пространстве и ограничен во времени.

Пространство — дом в Неаполе, вернее, комната и кухня в одной из квартир этого дома. Правда, мы входим туда с улицы. Но улица — это только серые плоскости стен, чуть отшатнувшиеся в глубину сцены, да безмолвные, темные окна, за которыми жизнь ничем не проявляя своего течения. Все словно окинута общим скользящим взглядом, но это лишь подчеркивает подробность, с какой показана жизнь кухни и комнаты. (Художники М. Курилко и Н. Патрикеев).

Время — три дня из жизни обычной неаполитанской семьи. Они взяты подряд, как прочиты, — суббота, воскресенье, понедельник, — и вмещают не так уж много событий: приготовление воскресного рагу, семейную ссору за праздничным обедом, примирение...

Но ограничение не равнозначно ограничению, а сужение — узости. Мир этого спектакля точен, сложен и емок. Три дня концентрируют в себе целую жизнь героев, а простые события оказываются полными большой человеческой значимости.

Так написана пьеса Эдуардо Де Филиппо.

Так поставлен спектакль. Режиссер А. Шатрин точно чувствует внутреннюю логику пьесы, ее требование человечности в отношениях между людьми, ее горечь от повседневного зла, накапливающегося равнодушия, невысказанных обид, обманутых надежд и ее светлое доверие к человеку. Чувствует режиссер и тот комплекс выразительных средств, через которые раскрывается замысел автора.

Спектакль правдив во внешних деталях. Вот Вирджиния — маленькая служанка семьи Приоре, в застиранном фартуке и старом, поbledшем платье по-настоящему чистит настоящий лук. Рядом хлопочет ее хозяйка Роза. Они заняты самым обыденным делом и говорят о самых обыденных вещах — о соусе, о рагу... Приходит Пеппино — муж Розы. Его внутреннее раздражение проявляется тоже в самых обычных поступках — демонстративно отброшенном сто-

ловом приборе, неудачно-поспешном переодевании ботинок.

Друг за другом проходят через кухню члены семьи, выступают в разговоры между собой, попадают в окружение самых обычных вещей...

И в разговорах — какая-то неподстроенная, стихийная правда, а вещи кажутся попавшими на сцену, минуя руки бутафора.

Но эта зримая, вещная правда лишь в первые мгновения останавливает на себе внимание. Чем дальше, тем яснее, что она — лишь взлетная дорожка, на которой спектакль берет разбег, чтобы подняться к правде более глубокой, обобщенной и поэтической.

Постановщик прибегает к той благородной режиссерской манере, которая заставляет художника искать именно в актерах своих представителей перед зрителем, а не просто использовать или даже избобретать повод, чтобы представиться самому. И актерские индивидуальности раскрываются ярко, порой неожиданно. Каждый характер найден точно — неповторимый, почти уникальный. Но в то же время его границы как бы слегка размыты. И за четкой ясностью характера — глубокая непростота человека, а за ней в свою очередь — сложность и многообразие жизни.

Спектакль слагается из актерских побед. Пеппино (В. Якут), нелепо ревнующий свою жену. Он смотрит вокруг колючими глазами, яростно обрушивается на мелочи, разменивает свое бешенство на маленькие семейные стычки, на несправедливые колкости и все больше и больше увязает в своем раздражении.

Э. Кириллова — Роза. Вечно суетящаяся, обязанная всех накормить, одеть, не замечать усталости, ничего не требовать взамен, привыкнуть к обыденности равнодушия.

Антонио (С. Гушанский). Старик временами заговаривается, теряет нить рассуждения. Стремительная походка, скованная спина. Старость, обычно изображаемая на сцене через шарканье ног и затрудненность движений, здесь неожиданно проступает в суетливой быстроте, в легкости, которой невозможно придать уверенность.

Меме — Э. Урсова. Нервный тик, прищуренные, близорукие глаза. Когда читает, почти водит по бумаге заострившимся носом, но очки не носит — не хочет признать себя старой. Когда раздражается скандал, она купается в свалившихся на нее заботах, наслаждается тем, что люди нуждаются в ее помощи, ее уколах, ее лекарствах. И в лавине забот за надменной сухостью и предвзятостью Меме

открывается ее неуклюжая доброта и всепонимание.

Аттилио — В. Андреев. В этой роли по-новому, с совсем неожиданной стороны раскрывается его индивидуальность, которой грозила ограниченность типажа. Актер обнаруживает тонкое чувство формы, бесстрашие в преувеличенном рисунке образа.

Отдельные удачи актеров сливаются в гармоничное целое. Из них вырастает не калейдоскопическая яркость и обособленность красок, а живой и тонкий ансамбль. Когда эти разные люди встречаются в кухне, обмениваясь раздраженными репликами, или сидят за обеденным столом, где в статичности мизансцены особенно четко выступает напряженность их отношений, постоянно пульсирующее, переплетающееся в чуткий клубок борение их интересов, когда, наконец, опустошенные ссорой, в рассветном полумраке они слоняются из комнаты в комнату, кажется, что сцены нет и эта семья реальна, — так притерлись друг к другу за годы совместной жизни характеры этих людей. Этот ансамбль доставляет огромную радость. В нем — безграничность театральных возможностей.

Заручившись внутренней правдой, подведя актеров к непрерывному, свободному действию в образе, режиссер смело идет к «чересчур», не пугаясь и эксцентричности. Он заставляет Пеппино, серьезного по-

жилого человека, выразить свое бурное безудержное ликование в комически-нелепой пляске. И актер вдруг выворачивает душу героя, по-театральному преувеличенно, с примитивной сочностью фарсовых красок. Но внезапный и прямолинейный комизм совсем не противоречит ни тонкости общей атмосферы спектакля, ни тщательности его психологической отделки. Не противоречит он и настоящему духу, и застиранному фартуку.

В конце намеренно сконцентрированный мир спектакля раздвигается шире, чтобы вместить горькую, тревожную ноту. Служанка Вирджиния, посторонний свидетель семейных событий, плача, закрывает занавес. Эта хмурая, усталая девочка, так просто и тепло сыгранная Е. Королевой, с горящими глазами, схватывает все мелочи происходящего, словно сама жизнь вдруг приоткрыла ей свое лицо и надо успеть запомнить его черты. Роль Вирджинии малословна. Только в первой сцене на короткое время делает ее драматург центром внимания. В театре она вплетена в события, как печальный рефрен. И невольно чувствуешь, как за серыми плоскостями стен городских домов, за темными окнами, невидимая, течет многообразная, сложная, противоречивая жизнь, в которой не все можно решить так счастливо и просто, как семейную ссору в доме Приоре.

КОГДА спектакль неудачен, обычно ищут главного среди виноватых — плохая пьеса, ничего нельзя было сделать; слабая труппа — играть некому, режиссер не понял, не сумел, не раскрыл, искал.

В этом спектакле — хорошая драматургическая основа, интереснейшие исполнители. отличная режиссура. Все «виноваты»!

Р. КРЕЧЕТОВА.

События 1982